

Кучеровская-Марцевая В. И. (Минск)

**ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(на примере итальянской и русской прозы)**

Многие люди не чувствуют себя хорошо в жизни, потому что еще не нашли свою точку равновесия.

И. У. Таркетти

Проблема человека, его определения и самоопределения, является тем вопросом, единый конкретный ответ на который вряд ли будет когда-либо найден, поскольку это бы означало конец развития и поисков человечества.

Эпоха техногенной цивилизации, которую мы сейчас переживаем, сделала эту проблему еще более расплывчатой, туманной в силу ряда объективных причин, а именно:

1) проблема возможности гуманизма как такового. Под гуманизмом в данном случае мы будем подразумевать определенный антропоцентризм, возможность диалога между людьми – как в рамках одной национальности, так и интернационального. Особенно проблематичной в этом отношении видится ситуация в странах бывшего СССР, политика которого за завесой гуманизма скрывала абсолютно антигуманистические идеи и действия;

2) противостояние западного и восточного типов цивилизации. Следует, однако, отметить тенденцию к сближению двух враждебных ранее типов мышления, стремление к взаимобмену опытом;

3) кризис культурных и общечеловеческих ценностей. Речь идет как о самых общих категориях объектов человеческой деятельности (пространство, время, движение, вещи и пр.), так и категориях, определяющих жизнь человека в целом, его отношение к себе и другим людям, к целям и ценностям общественной жизни (добро, красота, вера, совесть, справедливость, свобода и пр.).

Центральными пунктами западной цивилизации являются абсолютно свободный человек и его деятельность, направленная на изменение внешнего мира. В результате человек оказывается поглощенным идеями о материальном преходящем благе, его общество – это общество потребления, в котором все определяется оборотом товаров и денежных средств. Ценности также становятся предметом купли-продажи: все имеет цену, выраженную в эквиваленте местной и международной валюты. В таком обществе возможность диалога, коммуникации сводится к нулю, и западный человек в окружении изобретенных им машин оказывается лицом к лицу со своим одиночеством. Осознание одиночества влечет за собой необходимость самоопределения, поиски гармонии с самим собой и с миром приобретают первостепенное, жизненно важное значение. Высший момент одиночества – это момент умирания, поэтому и размышления о собственном существовании достигают максимальной глубины. Не случайно именно этот переходный

период между реальностями становится отправной точкой для многих писателей. Российский композитор и философ М. А. Марутаев утверждает, что «художник через свой темперамент, психологию знания» выражает гармонию, но «через это выражается сущность всеобщая» [6, с. 81]. То есть частное решение проблемы самоидентификации человека в мире априори является универсальным. Мы предлагаем проследить это на примере творчества современных итальянских писателей А. Табуки и Эрри де Луки.

Роман Антонио Табуки «Тристан умирает» (*Tristano muore*, 2004) привлекает внимание читателей и критиков уже своим названием. Имя героя, Тристан, выбрано для своеобразного продолжения диалога Джакомо Леопарди «Разговор Тристана и его друга». Перед нами умирающий Тристан, человек, прошедший вторую мировую войну, герой, отказавшийся от служения какой-либо армии и идеологии и боровшийся за свободу и справедливость, высшие ценности человеческой жизни. Тристан приглашает писателя, чтобы продиктовать ему всю свою жизнь, все то, что он считает жизнью, поскольку жизнь – это не только поступки, но и мысли, и мечты, и несбывшиеся желания. Такое решение – свидетельство, прежде всего, глубокого самоанализа, желая определить в последние дни жизни свое место в том, что мы привыкли называть действительностью.

Все повествование представляет собой поток сознания, разделенный на несколько временных пластов: военные действия в Греции, галлюцинации Тристана, воспоминания о детстве и настоящее. Путь самоопределения начинается с рассказа об обычае умирания слонов: они очерчивают круг, символическое изображение завершенной жизни. Таким же «слоном» считает себя Тристан: «...io sono un elefante che ti ha chiamato per andare all'indietro, ma vado indietro per arrivare al mio cerchio, che è avanti» [2, p. 11]. Всякая человеческая жизнь рано или поздно оказывает поисками истоков на пути к приближающейся смерти.

Другой попыткой сближения Тристана с природным миром является сравнение самого себя с камнем: «...le pietre non dicono niente... io sono una pietra che parla, un sasso che sta sulla riva di un torrente, che sta lì buono buono e guarda l'acqua e dice, vai, vai pure sorella acqua, scorri, scorri, chissà cosa ti credi, io me ne sto sulla riva, fermo come un sasso, perché sono un sasso, fratello sasso» [2, p. 16]. То есть, находясь практически все время в состоянии измененного сознания, он больше не принадлежит к миру людей, он частичка вечно живой природы.

Рассказывая свою жизнь, Тристан все время упоминает о погоде, описывает различные природные явления, и они становятся неотъемлемой частью существования человека. Например, «la vita è fiato» [2, p. 40], «tutto è vecchio sotto il sole» [2, p. 20], «nella vita l'unica cosa da fare è seguire i venti» [2, p. 24]. Жизнь созерцательная, а не созидательная, прожитая в равновесии с природой, – это идеал восточного мировоззрения. Таким образом, в определенный момент западное мышление, во многом подчиненное материальным ценностям и активной деятельности, приближается к восточному. Об этом свидетельствует и нетипичное (для обыденного

сознания) отношение ко времени: «Gli uomini non si muovono, restano incantati in tanti momenti fissi, solo che non lo sanno» [2, p. 37], «io mi sento fermo in mezzo al tempo fermo, come se fossi stato momentaneamente trasportato in un altro mondo» [2, p. 116]. Состояние Тристана сравнимо с героем повести Андрея Битова «Птицы, или Новые сведения о человеке» (1971, 1975), только человеку «восточному» не нужно умирать, чтобы осознать свою связь с окружающим миром. Достаточно переместиться в незнакомое место, где все выглядит непривычно. Повествователь оказывается в орнитологическом заповеднике, где «пространство будто бы меньше на одно измерение» [3, с. 372], где «писать нечего и незачем, потому что достаточно видеть, видеть и благодарить судьбу за то, что даны глаза и дано глазам» [3, с. 386]. Человеческое знание лишь отражает мир. Вполне возможно, что мир является отражением человека, отсюда – «может быть, вы и есть то, что у вас перед глазами?» [3, с. 395]. Не случайно в конце повести приведена классическая буддийская притча о проповеди, исполненной птицей.

Такое отношение к миру и человеку является еще одним свидетельством (или последствием) кризиса рациональности современной эпохи, который «заставляет обратиться к узловым моментам истории» [7]. К таким моментам в первую очередь относится проблема определения места человека в мире, а также его отношение к жизни и смерти.

Герой романа Эрри де Луки «Не здесь, не сейчас» (*Non ora, non qui*, 1989) восстанавливает прошлое через негативы старых фотографий. С одной стороны, можно отметить его привязанность к материальному миру; с другой, негатив не является законченным продуктом человеческой деятельности, это своего рода *сырьё* для дальнейшей переработки, точка отсчета. Важно подчеркнуть, с помощью чего происходит расширение действительности, оживление прошлого в этом вполне реалистичном романе: с помощью запахов. Старый, давно, казалось бы, исчезнувший мир приближается и поглощает повествователя: «Il formato di quello che sto videndo aumenta, descresce la scala: uno a cento, uno a cinquanta, uno a dieci fino a che la dimensione dei passanti raggiunge la mia taglia o io la loro» [1, p. 14]. Таким образом, небольшой фрагмент фото пленки – это отправная точка, мир, в котором нашла отражение вся жизнь повествователя. Неподвижность этого мира – лишь внешняя очевидность, поскольку «ничто в мире не покоится, все движется, покой лишь момент движения» [1, с. 81]. Анонимный повествователь находится в конце своего жизненного пути, при этом реальность, которая его окружает (родной дом), по воле автора и с помощью негатива старого снимка (который никогда не станет фотографией) пересекается с реальностью прошлого, а затем полностью трансформируется в нее. Круг жизни замыкается в определенном моменте давно прожитых дней, а именно в детстве, когда впечатления об окружающем мире носили интуитивный характер. Для повествователя это переживание является своего рода очищением, предсмертной исповедью (что в мире «после смерти Бога» приобретает особую ценность, своего рода сублимация веры), откровением; «solo in morte la vita è interamente di chi l'ha vissuta, e il possesso è senza

donatori, senza rimproveri» [1, p. 39], поскольку только в момент смерти/умирания становится возможным окончательно определить собственное место в мире, когда жизненный круг вот-вот сомкнется.

Возможное существование иных реальностей, в котором человек сможет себя найти, – также вечно обсуждаемый вопрос и для западного, и восточного мировоззрения. Например, в философско-мистическом романе Анатолия Кима «Онлирия» (1995) у каждого героя есть своя Онлирия, страна, куда они попадают после смерти, «где нет ни любовной страсти, ни ненависти» [4, с. 157]. Ангелы, отправленные Богом на Землю, – Келим, Ватанабэ, Неуловимый – освобождают людей от страстей, которые их мучат. Это люди с мечущимися душами, и их успокоение возможно только в Онлирии. Роман обладает сложным художественным временем и пространством. Конечностью человеческого времени определяется существование другого состояния мира, *вневремени*, в котором жили ангелы. Значит, и после привычного, кризисного времени человеческого существования возможен новый мир, главной ценностью которого станет духовная чистота.

Разочарования, подобные развенчиванию иллюзий (Леопарди), перестановка ценностных ориентиров вызывают необходимость создания новой философии жизни, будь то с помощью внутреннего мира человека, окружающего предметного и природного мира, или с помощью синтеза первого, второго и третьего. В рассмотренных нами произведениях это происходит путем интерпретаций своих воспоминаний, самоанализа, реструктурирования прошлого, идей о вероятном существовании после смерти (причем в нескольких ипостасях). Такое переплетение нескольких плоскостей человеческого бытия (что свидетельствует об изменении мышления [5, с. 41]) становится фундаментальным в литературе.

Человеческая мысль, выраженная в искусстве, в любом случае направлена в будущее, а именно в то время, когда цивилизация «будет основана на законах гармонии» и «будет культурной и космической» [6, с. 81]. Опыт писателей разных стран (рассмотренные нами произведения являются лишь единичными примерами) свидетельствует о необходимости расширения рамок сознания, а значит, и мира человека, выхода на иной уровень бытия. В литературных произведениях особенно ярко выражены поиски новых пластов реальности.

Очевидный застой и упадок техногенной цивилизации – это необходимое звено в человеческой истории, момент неподвижности для переосмысления канонов жизни, для выбора новых ориентиров в развитии человечества. Возрастающий интерес к проблеме самоопределения человека свидетельствует о наличии точек соприкосновения западного и восточного типов цивилизации, о единой направленности человеческого мышления, о всеобщности ценностей, которыми должна определяться жизнь.

Литература

1. De Luca, Erri. Non ora, non qui. Giangiaco­mo Feltrinelli Editore, Milano, 2004.
2. Tabucchi, Antonio. Tristano muore: Una vita. Giangiaco­mo Feltrinelli Editore, Milano, 2004.
3. Битов А. Новые сведения о человеке. М., 2005.
4. Ким А. Онлирия. М., 2000.
5. Ковалев С.Н. Феномен времени и его интерпретация. Харьков, 2004.
6. Марутаев М.А. О гармонии мира // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 71–81.
7. Степанова А.С. Рациональность, идея проекта и понятие «хронотоп» // CREDO NEW Теоретический журнал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/343/28/>